

После наступления лета императорские цензоры неоднократно подавали жалобу на наследного принца Сяо Чэна, обвиняя его в том, что он «позорит достижения своих предков, действует без надлежащего разрешения и собирает фракцию». Сразу же после этого последовал приказ от императора Даюй: «Нин цинван, четвертый сын императора, благородный и скромный, добродетельного характера, похож на самого его величество. Пред храмом наших предков и всем народом страны принцу даруется грамота о пожаловании титула и печать наследного принца. Принц наследует императорский трон и должен занять Восточный дворец».

В день провозглашения нового наследного принца Линь Цинюй и Гу Фучжоу отправились во дворец, чтобы присутствовать на церемонии, несколько часов простояв под палящим солнцем. Линь Цинюй прекрасно справился и в конце церемонии все еще был прекрасен словно белый снег на вершине высоких гор. Но Гу Фучжоу потерял полжизни, поджариваясь на солнце. Его придворный наряд уже насквозь пропитался потом. Этот «хилый» чужак не выдержал высокой температуры, что установилась в столице последние несколько дней. Как только они вернулись в резиденцию, он молниеносно скинул свою тяжелую придворную одежду и плюхнулся в прохладное решетчатое кресло в одних нижних одеждах*. Долгое время он не мог вымолвить ни единого слова.

[Примечание: Вероятно, это относится к его внутреннему одеянию.]

Хуань Тун принес ведро со льдом, а Хуа Лу подала красный виноград, что выдерживался какое-то время в колодце. Постепенно Гу Фучжоу оправился от перегрева.

В то время как Гу Фучжоу валялся, парализованный жарой, Линь Цинюй уже переоделся. Он был одет в безукоризненно белое одеяние и сидел за столом с нефритовым веером в руке, отдавая Хуань Туну распоряжения о сегодняшнем ужине. Его фигуру окутывали лучи летнего заката, создавая безмятежную, достойную запечатления на полотне картину.

При виде этого в сердце Гу Фучжоу вспыхнул неугасимый огонь. Он действительно хотел подойти и подразнить немного его, но после пребывания на ногах три шичэня подряд он не мог пошевелить даже пальцем. Это казалось ему непосильным трудом. Он чувствовал, что если встанет с этого кресла, то тут же умрет.

«Пусть на кухне приготовят горшок жидкой рисовой каши с семенами коикса. Приготовьте несколько блюд маринованных овощей, чтобы возбудить аппетит, а затем приготовьте пару жареных блюд из сезонных овощей».

Хуань Тун записал названия блюд одно за другим и спросил: «Молодой господин, вы действительно не хотите на ужин мяса или рыбы? Генерал будет недоволен отсутствием мяса».

Линь Цинюй немного подумал и сказал: «Тогда добавьте больших костей тушеных в соусе. Как только еда будет готова, пришлите ее прямо в нашу комнату».

«Хорошо. Я прикажу кухне приготовить это».

В резиденции генерала не было старших, и рядом с Гу Фучжоу, «человеком элегантным и утонченным», Линь Цинюй обнаружил, что начинает игнорировать необходимость строгого соблюдения этикета. Когда у него не было дел, он сопровождал Гу Фучжоу в возлежании на постели. Гу Фучжоу часто был слишком ленив, чтобы пойти поесть в зал, поэтому он заказывал доставку еды в их комнату. В редкие свободные минуты, когда Линь Цинюй не читал книги, не составлял лекарства и не выращивал Гу, он проводил время, коротая часы с Гу Фучжоу.

Если так пойдет и дальше, Гу Фучжоу определенно развратит его и превратит в такого же бездельника, каким является сам.

Линь Цинюй обернулся и заметил неподвижно лежащего в прохладном кресле Гу Фучжоу. Он слегка нахмурился: «Как долго ты планируешь так лежать? Ты не собираешься переодеться?»

Гу Фучжоу протянул руку и указал на стол, ленивым голосом простонав: «Цинюй, я хочу виноград».

Красный виноград стоял недалеко от руки Гу Фучжоу. Ему нужно было только чуть потянуться, чтобы дотронуться до ягод. С выражением на лице «ты безнадежен» Линь Цинюй подошел и сорвал красную виноградину, протягивая ему со словами: «Не ешь слишком много, скоро будет ужин».

Гу Фучжоу моргнул, открыв рот, сопровождая это просьбой: «Положи ее мне в рот...»

Линь Цинюй прищурился и быстро и аккуратно засунул красную ягоду в рот Гу Фучжоу: «Ты когда-нибудь умрешь от лени».

Красный виноград был сладким и сочным, а поскольку его хорошо вымачивали в ледяной воде, он также обладал еще охлаждающим эффектом. Гу Фучжоу довольно смаковал только что скормленное ему, но как только Линь Цинюй собрался убрать свою руку, он схватился за нее и притянул молодого красавца в свои объятия.

Линь Цинюй вынужденно упал на колени к генералу Бездельнику. Прищурившись, он не сопротивлялся, хотя взгляд его был острым, словно нож: «Значит, теперь у тебя снова появилась энергия?»

«Хотя у меня нет сил ни на что другое, у меня все еще есть силы, чтобы обнять своего супруга, – Гу Фучжоу оторвал виноградину и передал Линь Цинюю. Он подождал, пока Цинюй съест ее, прежде чем продолжить. – Сяо Цзе уже получил титул наследного принца. На данный момент Си Жун ведет себя прилично и доволен своей участью. Ты можешь сейчас выделить время для отдыха?»

Линь Цинюй возразил, цитируя: «У моря знаний нет границ. Для тех, у кого есть желание

учиться, не будет ни свободной минуты».

«Море знаний может и не иметь границ, но возраст твоего мужа все же имеет, – держа Линь Цинюя в своих объятиях, Гу Фучжоу вел себя совершенно бесстыдно. Его руки снова и снова ласкали и гладили стройную талию и поясницу, не в состоянии оторваться. – Мне уже за тридцать. Если мы подождем, пока ты закончишь заниматься делами, к тому времени даже если я захочу что-то сделать с тобой, мой дух может и будет готов, но моя плоть будет уже слаба. К тому времени ты возьмешь меня с собой потанцевать на площади или просто поболтать под простынями?»

Из-за бесстыдных рук Гу Фучжоу, безостановочно блуждающих по его телу, Линь Цинюю хотелось беспечно смеяться: «Что такое танцы на площади?»

В это время в комнату с едой вошла Хуа Лу. При виде молодого мастера, сидящего на коленях генерала и внимательно слушающего описание прекрасного танца в очень экзотическом стиле, ее сердце наполнилось самыми разными эмоциями. Хотя она уже давно служила молодому хозяину, она никогда не знала, что у него есть такая сторона – ласковая и нежная, словно спокойная вода.

Всякий раз, когда молодой господин и генерал были вместе, они выглядели счастливыми. И такого рода счастье молодой мастер Хоу никак не мог ему подарить. Когда они с молодым мастером Хоу впервые стали мужем и женой, поначалу шаоцзюнь не испытывал никаких добрых чувств к молодому мастеру Хоу. Позже он постепенно смягчился, приняв молодого мастера Хоу. И все же в его глазах и выражении лица все время скрывались горечь и печаль. Он знал, что молодому мастеру Хоу осталось жить всего год. Поэтому, даже если он был счастлив с ним, за его счастьем всегда скрывалась тень.

А теперь, когда он был рядом с генералом Гу, хотя эта глубокая тень еще сохранялась, несомненно, когда-нибудь наступит день, когда он полностью выздоровеет.

Внезапно Хуа Лу почувствовала облегчение. Исчезло то чувство нежелания, которое она испытывала из-за молодого мастера Хоу. Она больше не винила генерала за то, что он похитил молодого господина. Потому что... улыбка молодого мастера, такая искренняя и беззаботная, поистине была прекрасна.

Хуа Лу тихо удалилась с едой, чуть не столкнувшись с Хуань Туном в дверях, который нес кувшин с настойкой из аира в комнату хозяев*. Юноша спросил ее: «Почему ты вышла обратно с едой?»

[Примечание: 茵陈 / chānggrújǐu. Настойка на аире, вино с целебными и якобы чудодейственными свойствами. Согласно легенде, ее употребление может отогнать злых духов и повысить иммунитет. Подается на Празднике лодок-драконов.]

Хуа Лу покраснела, ответив: «Молодой господин и генерал слишком заняты, чтобы сейчас есть. Давай принесем еду чуть позже, она такая горячая, пусть каша сначала немного

остынет».

В комнате Гу Фучжоу все еще говорил без умолку, говорил и говорил... Случайно встретившись взглядом с Линь Цинюем, он вдруг почувствовал себя идиотом, раз рассказывает сейчас ему о танцах на площади. Он сразу же решил сократить свои потери и сменил резко тему: «...Короче говоря, поскольку важные дела временно подошли к концу, тебе также пора выполнить свое обещание. Завтра тебе не разрешается ходить во дворец, также тебе не разрешается посещать Императорскую медицинскую канцелярию. Ты останешься здесь, в резиденции, и составишь мне компанию».

Линь Цинюй собирался что-то возразить, когда услышал, как Гу Фучжоу напомнил: «Ты дал мне письменное обещание».

Линь Цинюй мягко улыбнулся: «Помню. В сутках двенадцать шичэней, и ты не потеряешь ни мгновения из обещанного».

Гу Фучжоу улыбнулся и наклонился вперед, намереваясь поцеловать его. Но Линь Цинюй оттолкнул его, объясняя свои действия: «Ты весь вспотел, не собираешься принять ванну?»

Только услышав слово «ванна», Гу Фучжоу уже почувствовал еще большую усталость: «Спаси меня, я не хочу мыть голову».

Линь Цинюй пытался уговорить его: «В такие жаркие дни, как сегодня, длинные волосы легко сохнут».

«Верно, но все равно это слишком хлопотно. Цинюй, я хочу коротко подстричься, можно?»

«Короткие волосы? – переспросил удивленно Линь Цинюй. – Насколько короткие?»

Гу Фучжоу почти соединил два пальца, большой и указательный, показывая длину желаемой стрижки: «Вот такой длины».

Линь Цинюй немного подумал и предложил: «Почему бы тебе просто тогда не стать монахом?»

На следующий день Линь Цинюй действительно никуда не пошел. Он даже специально поручил Юань Иню закрыть ворота резиденции и не принимать никаких гостей. Гу Фучжоу спал, пока солнце в небе не достигло высоты трех шестов. После пробуждения он разделил полуденную трапезу с Линь Цинюем. Во второй половине дня, в самое жаркое время дня, они вдвоем оставались в своей комнате, запасшись льдом. Выбирая случайные темы для беседы. Сейчас Гу Фучжоу болтал с Линь Цинюем о музыке.

Линь Цинюй специализировался на медицине. Тем не менее он изучал четыре искусства. Гу Фучжоу хотел посмотреть, как он играет, поэтому Цинюй попросил Хуань Туна принести со

склада семиструнный цинь. Хуань Тун не знал, о каком из них говорил Линь Цинъюй, поэтому просто принес весь ящик в их комнату. В этом ящике лежали все музыкальные инструменты, которые когда-либо использовал его молодой господин.

Гу Фучжоу взял сицинь* и спросил: «Это эрху**?»

[Примечание: * 西琴 / xīqín. Двухструнный цинь у народности си. ** 二胡 / èrhú. Эрху – струнный музыкальный инструмент, разновидность фиделя. Китайская скрипка на двух струнах.]

«Эрху? – переспросил Линь Цинъюй, ту же пояснив. – В Даюй это называется сицинь».

«Я знаю, как играть на нем, – сказал воодушевленно Гу Фучжоу, вспоминая, – когда я был маленьким, моя мать заставила меня выбрать два вида музыкальных инструментов для изучения – иностранный и классический. В качестве последнего я выбрал сицинь».

Линь Цинъюй заметил: «Почему мне кажется, что всему, что ты умеешь, тебя заставила научиться твоя мать?»

Гу Фучжоу подтвердил его догадку, весело смеясь: «Да, мне повезло, что она у меня есть. Иначе, оказавшись здесь, в Даюй, я бы даже не смог писать кистью. Что бы я мог использовать тогда, чтобы заставить тебя влюбиться в меня?»

Заметив в глазах Гу Фучжоу тоску по дому, Линь Цинъюй понятия не имел, как его сейчас утешить. Родина Гу Фучжоу была так далеко, что для него практически невозможно было вернуться туда.

Линь Цинъюй, опустив глаза, слегка коснулся струн и спросил: «Какую песню ты хочешь послушать?»

Гу Фучжоу радостно улыбнулся, ответив: «Цинъюй, я использую этот сицинь, чтобы сыграть с тобой дуэтом, как тебе идея?»

Линь Цинъюй мягко улыбнулся в ответ, согласившись: «Хорошо».

У их дуэта не было абсолютно никакого молчаливого понимания, создаваемая ими музыка была настоящим испытанием для ушей. Хуань Туна и Хуа Лу долго пытались музыкой, не в силах это больше терпеть, они невольно отходили все дальше и дальше от комнаты своих хозяев.

Когда солнце начало клониться вниз, Гу Фучжоу повел Линь Цинъюя к пруду половить рыбу.

Проживая уже какое-то время в Даюй, Гу Фучжоу полюбил рыбалку. Это не требовало особых усилий и приносило радость от получения результатов своего труда. Это было намного приятнее, чем играть в баскетбол или теннис.

Пока Гу Фучжоу ловил рыбу, Линь Цинюй оставался рядом, время от времени скармливая ему кусочек нарезанных свежих фруктов. Несколько служанок подошли издалека к воде, а увидев двух господ, они подошли еще ближе, чтобы поприветствовать их: «Генерал, госпожа».

Гу Фучжоу увидел, что у каждой из них была соломенная корзина, полная бамбуковых листьев. Он поинтересовался: «Собираетесь приготовить цзунцзы?»

Одна из служанок, улыбаясь, ответила: «Верно, скоро будет фестиваль лодок-драконов. Мы думали промыть листья и клейкий рис, а затем завернуть цзунцзы, но неожиданно побеспокоили генерала и госпожу».

«Вы нам не мешаете, - сказал Линь Цинюй. - Цзунцзы... как вы его заворачиваете?»

Гу Фучжоу был очень удивлен этим порывом супруга. Служанка поспешно достала лист бамбука и положила на него горсть клейкого риса, показывая и объясняя одновременно: «Сначала сложите его вот так. Потом так... Наконец, переверните его и обвяжите веревкой».

Линь Цинюй согласно кивнул, решив: «Я попробую».

Он не интересовался самой рыбалкой, а просто сидеть рядом с Гу Фучжоу ему было скучно. И вот, он нашел себе занятие по душе. Кто хочет приготовить цзунцзы? Это выглядело просто, когда он смотрел, но было сложно повторить. Он попробовал повторить за служанками несколько раз, но каждый раз все заканчивалось неудачей. Через некоторое время он совсем потерял терпение.

Гу Фучжоу взглянул на него, комментируя: «Высококачественные ингредиенты часто требуют только простых способов приготовления. Лекарь Линь, что занимался этим целый час, решил предоставить все слугам».

Атмосфера в летних сумерках была полна беззаботных улыбок.

Линь Цинюй вытер руки и, не меняя выражения лица, приказал: «Замолчи».

В этот момент появился Юань Инь, разыскивая их обоих: «Генерал, госпожа, кто-то пришел в резиденцию, чтобы передать это письмо...»

Линь Цинюй проговорил: «Я же сказал, что сегодня мы не принимаем гостей».

«Но этот человек принес с собой этот знак, – Юань Инь достал драгоценное поясное украшение. Это был знак, который Линь Цинюй отдал Шэнь Хуайши в день их последней встречи.

Линь Цинюй тут же передумал, спросив: «Где письмо? Принеси его».

Слова Шэнь Хуайши были, как всегда, лаконичны: «Увидимся в Павильоне Цзиньсю».

Линь Цинюй сообщил генералу: «Шэнь Хуайши все еще в столице».

Гу Фучжоу прочитал письмо через плечо Линь Цинюя одновременно с ним. Напоминая ему, он сказал: «Ты обещал мне целый день, все двенадцать шичэней. На один меньше, значит, это не целый день».

Линь Цинюй решил: «Тогда я не пойду».

Гу Фучжоу посмотрел на его слегка нерешительный вид и легко рассмеялся: «Нет, нет, нет. Не может быть, чтобы лекарь Линь не увидел, что я просто шучу».

Линь Цинюй был слегка поражен этим признанием: «Шутишь?» Он действительно не понял, что это была шутка.

Гу Фучжоу подтвердил, сказав: «Шэнь Хуайши пришел к тебе в это время, это должно быть чем-то серьезным и может быть срочным. Как я могу не отпустить тебя?»

Несмотря на слова Гу Фучжоу, Линь Цинюй сделал свой твердый выбор: «Нет, я обещал сопровождать тебя весь день. Достойный человек держит свое слово».

«Да ладно, когда ты успел стать достойным человеком? – Гу Фучжоу снова весело рассмеялся. – Ты, очевидно, мстительный „мелочный человек“, который без усилий лжет и говорит не то, что думает».

Тон Линь Цинюя был полон презрения, когда он холодно заметил: «Так вот каким генерал видит меня». Он лгал многим людям, но никогда не лгал Гу Фучжоу.

«Разве это не совпадение? Этому генералу нравятся великолепные красавчики, умеющие обманывать людей».

Линь Цинюй не собирался попадаться на уловки Гу Фучжоу, поправив его: «Генералу нравятся не „великолепные красавчики, умеющие обманывать людей“, а просто „великолепные красавчики“». Другими словами, больше всего Гу Фучжоу любил его лицо.

«Ты не можешь так говорить. В конце концов, единственная причина, по которой мне нравятся „великолепные красавчики, умеющие обманывать людей“, это потому, что ты так хорошо умеешь лгать, – Гу Фучжоу положил руки на плечи Линь Цинюя и подтолкнул его вперед. – Хорошо, а теперь поторопись. Иди, главный герой оригинальной книги все еще ждет тебя. Возвращайся ко мне, как только закончишь».

«Ты... – Линь Цинюй неохотно, но все же согласился. – Я могу сам идти».

Гу Фучжоу смотрел, как Линь Цинюй уходит прочь. Как только он ушел, Гу Фучжоу потянулся, посмеиваясь про себя, и вернулся в свою комнату, чтобы поспать еще.

Автору есть что сказать:

Мини-театр:

Причина, по которой незнакомка была так увлечена этой встречей, заключалась в том, что, помимо того, что ее отверг великолепный красавчик, она просто хотела посмотреть, какой мужчина может быть мужем такого красавчика. Она не была убеждена, и не желала верить в это. Почему у такого красивого мужчины уже был муж?

После некоторых неприятностей незнакомке наконец удалось привести великолепного красавчика на встречу с учеником Цзяном.

Незнакомка: ...Хорошо-хорошо, я сдаюсь. Вы двое разговаривайте. Я ухожу первой.

PS: Романтические сюжеты второстепенных ролей были полностью созданы для двух главных героев. Я не буду отвлекаться от основного сюжета, чтобы писать о них. В массовке будут только Лу Ваньчэн, Гу Фучжоу, Сяо Ли, ученик Цзян и Цинюй.

<http://bllate.org/book/15122/1336703>